

**Изъ статьи В. И. Ломанскаго (въ I кн. журн. Мин. Нар. Просв.
1892 г.)**

29-го ноября скончался въ Харьковѣ заслуженный ординарный профессоръ Александръ Афанасьевичъ Потебня. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, для огромнаго большинства нашей публики онъ былъ однимъ изъ неизвѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Значительное большинство русскихъ литераторовъ, что ежедневно и ежемѣсячно, изъ года въ годъ будятъ, поучаютъ и поднимаютъ нашу читающій міръ, и разнаго рода покровители и любители бѣднаго русскаго просвѣщенія знавали профессора Потебню развѣ по имени: печатался въ двухъ, трехъ нечитаемыхъ журналахъ, состоялъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и въ извѣстные сроки получалъ соотвѣтственныя званію никогда не являвшагося въ Петербургъ провинціальнаго профессора и приличныя сему повышенія и награды, на лѣтнее время часто бывалъ увольняемъ въ отпуски за границу.

Тѣмъ не менѣе глубокомысленный, оригинальнѣйшій изслѣдователь русскаго языка, А. А. Потебня принадлежалъ къ весьма малочисленной, на перечень извѣстной, плеядѣ самыхъ крупныхъ, самобытныхъ дѣятелей русской мысли и науки. На его имя и труды будутъ у насъ со временемъ указывать, при часто предъявляемомъ Россіи вопросѣ— что внесено ею въ сокровищницу человѣческаго знанія? Мало, мало у насъ славныхъ именъ, мало совершено нами крупныхъ дѣлъ въ области мысли и знанія. Всего менѣе, какъ извѣстно, сдѣлано нами въ области наукъ историко-нравственныхъ, очень мало по филологіи и языкознанію.

Послѣ А. Х. Востокова ни одинъ быть можетъ изъ нашихъ филологовъ—тутъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ именъ—не отличался такими, какъ профессоръ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проницательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высоковажнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ.

Какъ къ концу дѣятельности великаго основателя славяновѣдѣнія аббата Добровскаго, Россія дала Востокова, разомъ далеко двинувшаго впередъ новую отрасль знанія, а въ пору зрѣлости и наибольшей славы другаго крупнаго слависта на западѣ, Шафарика, Россія трудами и дѣятельностью Прейса, Бодянскаго, Григоровича, Срезневскаго, Ундольскаго, Горскаго, Буслая, Лавровскаго, Гильфердинга, Тихонравова, Пыпина, далеко распространила и въ ширь и въ глубь изученіе разныхъ частей славяновѣдѣнія, такъ точно ко второй половинѣ самой плодотворной и энергической дѣятельности третьяго большаго слависта на западѣ—покойнаго профессора Миклошича, Россія въ послѣднія два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потебней. Его изслѣдованія по славянской филологіи, этимологіи и синтаксису, по народной поэзіи и мифологіи, отмѣчены такимъ сильнымъ даромъ проницательности, такимъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ разнообразныхъ повременныхъ и мѣстныхъ явленій, самыхъ иногда тонкихъ отличій и свойствъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, что во многихъ отношеніяхъ эти труды покойнаго харьковскаго профессора значительно превышаютъ и далеко оставляютъ за собою наилучшія, однородныя изысканія профессора Миклошича. Изслѣдованія профессора Потебни уже начали оказывать вліяніе на новѣйшіе труды молодыхъ славистовъ на западѣ, но можно въ увѣренности предвидѣть гораздо большее ихъ вліяніе въ будущемъ.

Правда, профессоръ Потебня писалъ не популярно, не для публики. Выражаясь всегда очень сжато, пиша исключительно для ученыхъ, посвящая свое богатое дарованіе и свои лучшіе, не щедро отмѣряемые судьбой, годы, русскимъ ученымъ, не на распространеніе знаній, а на движеніе науки впередъ, на освѣщеніе темныхъ и на проложеніе новыхъ путей знанія, профессоръ Потебня имѣлъ всегда въ запасѣ такъ много новыхъ наблюденій и соображеній, располагалъ такою массою собранныхъ имъ данныхъ, и при томъ въ области весьма обширной, что ему некогда было заботиться объ изложеніи болѣе популярномъ.

Къ великому моему сожалѣнію я никогда не находился въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ покойнымъ А. А. Потебней. Только разъ въ жизни случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ Вѣнѣ въ 1862 г. и провести съ нимъ въ самой оживленной бесѣдѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ теченіе одного, двухъ или трехъ дней, теперь рѣшительно не помню. Его красивое, выразительное лицо, его живая,

блиставшая оригинальнымъ умомъ и богатствомъ продуманныхъ, изъ первыхъ рукъ добытыхъ, свѣдѣній, его любовь и художественная чуткость къ народной поэзіи, его рѣдкое, особенно въ тогдашней молодежи, уваженіе къ свободѣ и разуму народной жизни и мысли, его убѣжденіе въ народности науки въ каждой странѣ, произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе и внушили мнѣ глубокое къ нему сочувствіе. О встрѣчѣ нашей я ничего не записалъ, подробности нашихъ разговоровъ мною заботы, помню впрочемъ, что кромѣ языка и народной поэзіи шла рѣчь и о русской литературѣ и о разныхъ нашихъ и славянскихъ дѣлахъ. Помню также, что съ глубокою грустью вспомнилъ онъ о своемъ безвременно погибшемъ младшемъ братѣ, жертвѣ юношескихъ увлеченій, передалъ нѣсколько подробностей о лично ему знакомой и высоко имъ цѣнимой писательницѣ нашей—Кохановской. Во второй и въ послѣдній разъ мнѣ пришлось заочно сойтись съ покойнымъ Александромъ Аѳанасьевичемъ въ началѣ нынѣшняго года. По предложенію Отдѣленія Этнографіи, Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудилъ проф. Потебнѣ свою высшую награду—Константиновскую медаль. Какъ председательствующій въ этомъ Отдѣленіи, я извѣстилъ и поздравилъ Александра Аѳанасьевича, и мы тогда обмѣнялись нѣсколькими письмами. Онъ прислалъ мнѣ, по моей просьбѣ, свою фотографію. Сличивъ ее съ его фотографическою карточкою, данною имъ мнѣ въ 1862 г., я разумѣется, нашелъ его сильно состарѣвшимся; но лица, видѣвшія его прошлую зиму, говорили мнѣ, что онъ исхудалъ, ослабѣлъ и постарѣлъ такъ, что эта фотографія уже не представляетъ настоящаго Александра Аѳанасьевича. Проф. М. С. Дриновъ и самъ Александръ Аѳанасьевичъ писали мнѣ еще зимой, что здоровье его очень плохо и силы слабѣютъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ отъ 25-го апрѣля онъ въ заключеніе прибавилъ: «За вопросъ о здоровьѣ—благодарю. Все плохо. По утрамъ кое-что ковыряю, какъ старуха чулокъ вяжетъ, при полномъ отсутствіи интереса, спуская петли и роняя спицы. 3-ю ч. Записокъ (по Русской грамматикѣ) нужно еще разъ переписать непременно самому; но она мнѣ уже надоѣла и я не знаю, когда я это сдѣлаю».

Подъ конецъ своей жизни замѣчательнѣйшій русскій филологъ, глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и его историческаго развитія, А. А. Потебня печально глядѣлъ на постановку филологическаго образованія въ русской средней и высшей школѣ. Въ письмѣ

ко мнѣ, отъ 7-го февраля 1891 г., Александръ Аонасьевичъ писалъ между прочимъ: «Я немногимъ Васъ моложе: въ этомъ году мнѣ будетъ 56. У меня два сына, къ счастью оба уже въ университетѣ, старшій на математическомъ, младшій на естественномъ. Случилось такъ, что 17 января, когда я получилъ отъ Васъ телеграмму, старшій получилъ (золотую) медаль за сочин(еніе) по механикѣ. На выборъ факультетовъ я не вліялъ, между прочимъ, и потому, что къ своему пристрастію не чувствую. Печальная судьба филологическихъ знаній въ Россіи. Порою кажется, что мы идемъ не впередъ, а назадъ. У насъ въ этомъ году на 1005—32 филолога, въ томъ числѣ по славянорусскому отдѣленію м(ожетъ) быть) человекъ 5—6, да и то не по призванію, а ради хлѣба. Теперь у меня (на дому) 3 слушателя, въ томъ числѣ одинъ изъ вашихъ кандидатовъ, Ляпуновъ, который здѣсь держитъ на магистра славянской филологіи. Изъ него будетъ прокъ».

Въ заключеніе нашей памятной замѣтки о дорогомъ покойникѣ позволяю себѣ повторить мой отзывъ о трудахъ Потебни, представленный медальною коммисіею отдѣленія этнографіи совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о присужденіи проф. Потебнѣ Константиновской медали.

«Перебирая рядъ замѣчательныхъ сочиненій по лингвистикѣ, филологіи и народовѣдѣнію, вышедшихъ у насъ за послѣдніе три года, коммисія остановилась на трехъ новѣйшихъ трудахъ нашего глубоко-ученаго и высокоталантливаго языковѣда, уже тридцать лѣтъ энергичеески работающаго на пользу и славу отечественной науки въ области тѣхъ изслѣдованій, которыя, по § 1 Положенія, подлежатъ присужденію Константиновской медали со стороны Отдѣленія Этнографіи: «этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіеся до народовъ, обитающихъ въ Россіи, или соплеменныхъ съ ними, если они привели къ какимъ-либо новымъ и важнымъ результатамъ».

Разумѣемъ три новыхъ труда проф. А. А. Потебни: 1) Изъ записокъ по Русской грамматикѣ. I Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. 2-е изданіе Харьковъ. 1889. 535+IV стр. въ 8-ку. 2) Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. Воронежъ. 1888. 76 стр. Въ 8-ку. 3) Объясненія малорусскихъ и еродныхъ пѣсенъ. Веснянки. Колядки. Щедровки. 2 тома. Варшава. 1883 и 1887. 268 +801 стр. въ 8-ку.

При оцѣнкѣ этихъ трудовъ проф. Потебни, мы обратимъ вниманіе, согласно § II-му Положенія о приеужденіи Константиновской медали, и на прежнія произведенія автора.

Постоянными предметами 30-ти лѣтнихъ занятій и изслѣдованій проф. Потебни были: Русскій языкъ въ его повременномъ развитіи и въ его географическомъ разнообразіи, въ связи и въ сравненіи съ родственными языками, то-есть, исторія русскаго языка и русская діалектологія, сравнительно съ исторіею и діалектологіею сродныхъ языковъ, преимущественно славянскихъ и литовско-лотышскаго, или иначе историко-сравнительное изученіе русскаго языка въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтактическомъ и словарномъ, и такое же историко-сравнительное изученіе народной поэзіи, со стороны ея формы и содержанія, возстановленіе приѣмами историко-сравнительнаго метода по остаткамъ обрядовъ, повѣрій, преданій, по разнымъ поэтическимъ образамъ и мотивамъ цѣлыхъ отдѣловъ народныхъ пѣсенъ, религіозно-поэтическаго міросозерцанія древнихъ славянъ и сродныхъ имъ народовъ.

Высокое образованіе проф. Потебни, вполне знакомаго съ историческимъ ходомъ и современнымъ состояніемъ сравнительнаго языкознанія, изученія народной поэзіи и сравнительной міеологіи, близкое знакомство съ санскритомъ и зендомъ, съ двумя классическими языками, съ историко-сравнительною грамматикою языковъ германскихъ и романскихъ, глубокое на первоисточникахъ основанное знаніе не только русскаго языка, древняго, стараго и новаго, въ его нарѣчіяхъ и говорахъ, но и всѣхъ языковъ славянскихъ, равно какъ литовскаго и лотышскаго, — всѣ эти особенности составляютъ рѣдкія и цѣнныя достоинства даже между лучшими учеными, славянскими и европейскими, особенно если онѣ соединены съ такимъ же глубокимъ знаніемъ народной поэзіи русскаго и всѣхъ славянскихъ племенъ, а также и наиболѣе съ нимъ сроднаго, литовско-лотышскаго. Но какъ ни цѣнны и ни почтенны эти качества, они не дадутъ еще полнаго понятія о значеніи его трудовъ для отечественной образованности и для извѣстнаго круга наукъ: сравнительнаго языкознанія, русской и славянской філологіи русскаго народовѣдѣнія, сравнительной исторіи литературъ, народной психологіи, сравнительной міеологіи. Глубокій и образованный ученый, отличный наблюдатель, строгій изслѣдователь, проф. Потебни не живетъ процентами съ чужого капитала, не производитъ своихъ наблюденій и изслѣдованій лишь въ подтвержденіе, или на основаніи

лишь посторонних соображений и указаний, чужих, часто лишь занятых, а не усвоенных и не продуманных идей. Проф. Потебня мыслить самостоятельно. Въ избранной имъ области мысли, въ развитіи и сцѣпленіи понятій онъ вращается такъ же свободно, онъ всегда такъ же дома, какъ въ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ звуковъ, корней, реченій, народныхъ поэтическихъ образовъ и мотивовъ. Отличаясь замѣчательною силою анализа, онъ, какъ и истинные художники слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, хранить въ себѣ не порванными нити безсознательнаго поэтическаго преданія и творчества языка, и какъ всѣ высокіе дарованій ученые, обладаетъ своего рода творчествомъ. Его воззрѣнія и мысли по занимающимъ его вопросамъ всегда отличаются свѣжестью и оригинальностью, а воспринятые имъ идеи и мысли другихъ дѣятелей всегда имъ усвоены, выношены и переработаны въ его сознаніи. Оттого онъ и является у него съ извѣстными ограниченіями или дополненіями, значительно измѣненными или развитыми далѣе. Въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. Потебня, касаясь старыхъ не рѣшенныхъ вопросовъ, всегда подходитъ къ нимъ съ новыхъ точекъ зрѣнія и открываетъ новыя стороны дѣла; но, требуя постоянно возможно большей «внутренней принудительности доказательствъ», онъ не позволяетъ себѣ забыть «чего нельзя и что возможно» для окончательнаго заключенія при наличномъ запасѣ данныхъ и наблюденій.

Въ своихъ Запискахъ по грамматикѣ, какъ во второй, такъ особенно въ первой общей части проф. Потебня нерѣдко пополняетъ, ограничиваетъ, исправляетъ положенія и мысли о тѣхъ или другихъ вопросахъ по ученію объ языкѣ, высказанныя въ разное время В. Гумбольдтомъ, Боппомъ, Поттомъ, Я. Гриммомъ, Гейзе, Штейнталемъ, Курціусомъ. Шлейхеромъ и друг., и остроумно обличаетъ внутреннюю несоостоятельность разныхъ непродуманныхъ формулъ и положеній, встрѣчаемыхъ у нѣкоторыхъ иначе заслуженныхъ ученыхъ, богатыхъ эрудиціею, но болѣе или менѣе слабыхъ по части идей и самостоятельности мысли. Между тѣмъ такого рода непродуманныя формулы и положенія, въ видѣ общихъ мыслей и опредѣленій, попадаютъ всею чаще въ текущей учебной литературѣ, всего легче проникая въ обиходные курсы и учебники. Проф. Потебня нерѣдко останавливается, особенно во второй части своихъ Записокъ, на обличеніи несоостоятельности такихъ положеній и опредѣленій не ради охоты къ обличенію, а потому, что онъ мѣшаютъ вѣрному пониманію многихъ важныхъ явленій въ исторіи языка и потому, что обличая

односторонность того или другого взгляда или мнѣнія, онъ лучше успѣваетъ раскрыть правильность и вѣрность выставляемаго имъ воззрѣнія или положенія.

Обширная и глубокая эрудиція, масса фактовъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ древней и старинной русской письменности, памятниковъ народной словесности русской и всѣхъ славянскихъ, а также литовско-лотышской, самостоятельность и оригинальность основныхъ мыслей и замѣчательный даръ проникновенія въ тончайшіе оттѣнки строя русскаго языка сразу завоевали труду проф. Потебни «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», еще въ первомъ его изданіи 1874—1877 г., высокое мѣсто въ наукѣ, и русская и иностранная критика не могла тотчасъ же не признать его высокаго значенія, его выдающихся достоинствъ.

Наша Академія Наукъ, по почину Срезневскаго, поспѣшила присудить его автору полную Ломоносовскую премію. Въ своемъ отзывѣ относительно первой части труда профессора Потебни, Срезневскій, между прочимъ, выразился: «Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже, какъ выборки изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предвзятые вопросы; въ трудѣ же проф. Потебни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка, его образованія и преобразованія». О второй же части Срезневскій замѣтилъ: между прочимъ, «Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся: но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ съ вопросами безъ отвѣтовъ или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ».

Вслѣдъ за отзывомъ Срезневскаго поспѣшилъ и проф. Ягичъ въ своемъ Arch. f. slaw. Phil. высказать свое мнѣніе о трудѣ проф. Потебни. Отмѣтивъ его крупныя достоинства, онъ прибавилъ, что онъ «даютъ этому труду почетное мѣсто въ небольшомъ и безъ того ряду изслѣдованій въ области историко-сравнительнаго синтаксиса».

Ученикъ проф. Миклошича, г. Ягичъ высказалъ прямо, что «въ славянской грамматической литературѣ трудъ г. Потебни стоитъ рядомъ съ синтаксисомъ Миклошича». Дабы понять настоящее значеніе этихъ словъ, прибавимъ, что по выходѣ синтаксиса Миклошича, Ягичъ въ томъ же Archiv'ѣ высказалъ свое удивленіе „къ этому по его словамъ величественному Thesaurus syntacticus“, къ этому обширному труду въ 896 станицъ съ небывалымъ дотолѣ богатствомъ примѣровъ изъ древнихъ, старыхъ и новыхъ славянскихъ языковъ (Arch. f. sl. Phil. 1876. В. I.).

Впрочемъ, проф. Ягичъ прибавилъ, что «ближайшее сравненіе этихъ двухъ трудовъ едва ли теперь желательно, такъ какъ изслѣдованія Потебни еще не доведены до конца» (Arch. f. slaw. Phil. 1876 В. II. Н. I. S. 166).

Ставя два труда рядомъ, мы извѣстнымъ образомъ уже сравниваемъ ихъ и даже сравнили. Различіе труда проф. Потебни отъ этого труда Миклошича состоитъ не въ томъ только, что онъ не оконченъ, то-есть, что въ немъ, по мысли автора, не всѣ части синтаксиса обелѣдованы, а трудъ Миклошича, по мысли его автора, довершенъ. Если присоединить къ этимъ двумъ частямъ записокъ проф. Потебни по русской грамматикѣ недавно вышедшее новое его превосходное синтактическое изслѣдованіе «Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ» 1889. 76 стр., то мы увидимъ, что по внѣшнему своему виду (547+76=623 стр.) трудъ Потебни составляетъ добрыя двѣ трети труда Миклошича. Такимъ образомъ, хотя трудъ г. Потебни и не оконченъ, но въ немъ синтактическія явленія русскаго языка во всемъ его объемѣ очевидно разсмотрѣны гораздо подробнѣе, чѣмъ это могъ сдѣлать Миклошичъ въ своемъ оконченномъ трудѣ, посвященномъ синтаксису десяти славянскихъ языковъ съ общелитературнымъ русскимъ и малорусскимъ включительно. Вполнѣ признавая крупныя достоинства синтаксиса Миклошича, впервые давшего заразъ такой обильный запасъ примѣровъ и данныхъ по синтаксису десяти славянскихъ языковъ, не можемъ не обратить вниманія на особенность системы или внѣшняго распорядка всѣхъ этихъ примѣровъ. Синтаксисъ Миклошича раздѣленъ на двѣ части. Первая подъ заглавіемъ: о значеніи частей рѣчи, вторая о значеніи формъ. Первая часть раздѣлена на семь главъ съ своими подраздѣленіями, а вторая только на двѣ главы съ болѣе многочисленными отдѣлами. Такимъ образомъ видно, какъ были извлечены изъ памятниковъ различные примѣры, и какъ

потомъ они были разложены по рубрикамъ: существительное, прилагательное, родъ, число, числительное имя, мѣстоименіе съ его обычными дѣленіями, нарѣчіе, союзъ, глаголь съ его отдѣлами. Во второй части идутъ падежи и формы спряженія. Передъ каждой рубрикой есть нѣсколько болѣе или менѣе краткихъ предварительныхъ замѣчаній и затѣмъ идутъ примѣры на данную часть рѣчи или форму въ началѣ изъ ц.-слав., а потомъ изъ другихъ славянскихъ языковъ.

Возможна и такая точка зрѣнія, по которой сантаксисъ Миклошича, не смотря на свое богатство примѣровъ, окажется далеко не конченнымъ и не полнымъ. Нѣкоторые отдѣлы, напримѣръ, о числѣ именъ, окажутся очень краткими (37—51), не будетъ замѣчено, что между всѣми этими рубриками только разъ попадаетъ слово «предложеніе», именно за именительнымъ падежомъ идетъ небольшой отдѣлъ: *subjectlose Sätze* (346—369). Во избѣженіе путаницы («лабиринта») Миклошичъ, по собственнымъ его словамъ, предпочелъ размѣстить свои замѣчанія о разныхъ предложеніяхъ по рубрикамъ мѣстоименія, союза и пр. При такой системѣ или расположеніи сыраго матеріала очень трудно было автору раскрыть, а читателю видѣть отличительныя особенности и разнообразныя оттѣнки синтаксиса отдѣльных славянскихъ языковъ и почти нельзя прослѣдить историческое развитіе ихъ внутренняго строя. Въ трудѣ же проф. Потебни, благодаря его системѣ, мы имѣемъ передъ собою стройное изложеніе историческаго развитія внутренняго склада русскаго языка, при чемъ строго отличены и отмѣчены различныя оттѣнки повременныхъ измѣненій въ строѣ русской рѣчи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Тутъ привлекаются къ сравненію сходныя или различныя явленія историческаго развитія строя другихъ языковъ славянскихъ, а также литовскаго и латышскаго, а иногда, по мѣрѣ надобности, и другихъ арійскихъ. Въ общемъ введеніи, то есть въ первой части и въ частныхъ главахъ второй части мы постоянно встрѣчаемся съ глубокими мыслями, тонкими наблюденіями и остроумными соображеніями, въ коихъ ярко выступаетъ высокое дарованіе нашего языковѣда. Въ своемъ отзывѣ о трудѣ проф. Потебни Срезневскій не считалъ возможнымъ умолчать о синтаксисѣ проф. Буслаява, въ его исторической грамматикѣ. Дѣйствительно, синтаксисъ составляетъ лучшую часть грамматики Буслаява. Онъ почти на 20-ть лѣтъ предварилъ синтаксисъ проф. Потебни. За Буслаявымъ навсегда останется великая заслуга, что онъ еще въ 1844 г. въ книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» первый у насъ высказалъ въ своихъ синтакти-

ческих замѣткахъ (II ч.), что «научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое», и тутъ же представилъ нѣсколько поясненій и примѣровъ изъ древняго, стариннаго и современнаго народнаго и литературнаго языка (стр. 141—163 и нѣсколько далѣе). Въ синтаксическомъ отдѣлѣ грамматики Буслая, наука получила въ первый разъ богатство примѣровъ изъ древней, старинной и современной народной рѣчи, вмѣстѣ съ примѣрами изъ Карамзина, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова и пр. При этомъ Буслаямъ было высказано не мало частныхъ дѣльных замѣчаній, но справедливость не позволяетъ умолчать, что система Буслая, вообще вся теорическая сторона его синтаксиса, по большой части, не самостоятельна и довольно слаба. Послѣ труда проф. Потебни еще въ первомъ изданіи (1874 г.) синтаксисъ Буслая является уже въ значительной степени трудомъ отсталымъ и устарѣлымъ, нельзя по истинѣ не пожалѣть, что педагоги наши доселѣ почти исключительно пробавляются книгою Буслая и очень мало (не говоримъ объ исключеніяхъ и о непосредственныхъ ученикахъ проф. Потебни) усвоили себѣ глубокіе взгляды и богатые новыми плодотворными выводами наблюденія Потебни. Разумно усвоенныя почтенною средою нашихъ педагоговъ, они должны повести не только къ лучшей постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и къ перемѣнамъ въ методѣ и пріемахъ преподаванія древнихъ и новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Укажу еще на другую, тоже не маловажную, практическую сторону синтаксическихъ и вообще филологическихъ трудовъ проф. Потебни. Изученіе ихъ приводитъ всякаго читателя къ убѣжденію въ пользѣ и важности извѣстной литературной обработки малорусскаго нарѣчія, даже для изученія нашего литературнаго языка. Ознакомившись съ изслѣдованіями Потебни, каждый образованный великоруссъ пойметъ, сколько свѣта проливаетъ знакомство съ малорусскимъ языкомъ на историческое развитіе нашего общелитературнаго языка, который мы, великоруссы, не безъ извѣстнаго преувеличенія, любимъ считать исключительно своимъ. Внимательный читатель замѣтитъ, сколько даетъ поученій и поясненій знаніе живой малорусской рѣчи для разумнаго пониманія даже живой рѣчи великорусской и ея говоровъ. Всѣ же говоры великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, какъ живые ключи, направленные исторіею въ водоемъ общерусской рѣчи, несутъ въ нее свои мѣстные дары, питаютъ и обогащаютъ ее и какъ предметъ нашего

изученія и какъ литературный нашъ языкъ, то есть, какъ орудіе нашей образованности, какъ общее знамя нашего національнаго единства.

Научное значеніе синтактического труда проф. Потебни выяснится еще лучше, если, припомнивъ его отношеніе къ однороднымъ трудомъ Буслаева и Миклошича, мы прибавимъ, что по оригинальности воззрѣній, по глубинѣ анализа, по широтѣ и силѣ учености, трудъ А. А. Потебни далеко оставляетъ за собою весьма почтенные труды Даничича, Вальявца, Гатталы, Зигмунда Малецкаго и др. по синтаксису отдѣльныхъ западныхъ славянскихъ языковъ, южныхъ и сѣверныхъ. Можно сказать, что Записки по русской грамматикѣ проф. Потебни занимаютъ въ настоящее время такое же мѣсто въ славянской филологіи по отдѣлу синтаксиса, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введеніе въ исторію чешской литературы и чешская грамматика), послужившія впослѣдствіи образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ.

Много важнаго для славянской филологіи и для сравнительнаго языкознанія вообще представляютъ и другіе филологическіе труды проф. Потебни. Такъ, его изслѣдованія подъ скромными заглавіями «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій» и замѣчательный разборъ сочиненія Житецкаго, «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (Спб. 1871) внесли въ науку рядъ важныхъ филологическихъ наблюденій историко-географическаго характера и понынѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по русской діалектологіи.

Въ четырехъ выпускахъ изслѣдованій «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Воронежъ 1876. Варшава 1880, 1881, 1883, содержится нѣсколько высоко замѣчательныхъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ явленіяхъ русской общеславянской филологіи: о носовыхъ звукахъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ, о первомъ полногласіи русскаго языка, о такъ названномъ Потебнею второмъ полногласіи—это явленіе впервые имъ отмѣчено, и терминъ, имъ данный, вошелъ уже въ науку,—о начальныхъ сочетаніяхъ: лы, ры, лу, ру=основнымъ + ал+ар—рядъ примѣровъ или словъ съ начальными лы, ры, лу, ру, приводимыя въ ограниченіе выставленнаго Миклошичемъ положенія, что начальное + ар + ал всегда=слав. ра, ро, ла, ло (раз.роз, ладья, лодья), о нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки,

наконецъ, довольно большое изслѣдованіе «Этимологическія различія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ». Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ перебираются и разсматриваются, часто съ совершенно новой точки зрѣнія, весьма тонкіе и трудно поддающіеся окончательному разрѣшенію вопросы первостепенной важности для классификаціи славянскихъ нарѣчій и для уясненія ихъ постепеннаго выдѣленія изъ общаго славянскаго пра-языка, для славянской и вообще сравнительной грамматики арійскихъ языковъ, наконецъ, для такого же этимологическаго словаря. Многія изъ высказанныхъ здѣсь проф. Потебнею соображеній достигаютъ полной доказательности, а нѣкоторыя наблюденія, еще такъ сказать не завершанныя, важны тѣмъ, что раскрываютъ новые пути къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія проф. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики и выдаютъ въ авторѣ такого же первостепеннаго мастера, какимъ онъ оказалъ себя въ своихъ Запискахъ по русской грамматикѣ.

Отчасти въ указанныхъ же статьяхъ и особенно въ другихъ главахъ изслѣдованія «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», подъ заглавіемъ «Этимологическія замѣтки», заключаются важныя и часто весьма удачныя разьясненія происхожденія длиннаго ряда словъ велико- и малорусскихъ, польскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-лотышскихъ, объяснены разныя иностранныя слова, вошедшія въ малорусскій языкъ изъ нѣмецкаго, валашскаго и проч. Наконецъ, тутъ же мы встрѣчаемъ многосодержательную статью (48 стр.) подъ заглавіемъ село, деревня и проч.,—это цѣлая прекрасная глава изъ исторіи русскаго языка и быта.

Какъ во многихъ мѣстахъ сантаксиса, такъ и въ этихъ послѣднихъ трудахъ проф. Потебни, при объясненіяхъ отдѣльныхъ народныхъ реченій и оборотовъ малорусскихъ, великорусскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-лотышскихъ, сильно даетъ себя чувствовать еще другая сторона громадныхъ знаній и высокаго дарованія нашего автора. Разумѣемъ его глубокое изученіе народной поэзіи славянской и литовско-лотышской и его необычную зрячесть и чуткость ко всѣмъ ея особенностямъ, отбѣнкамъ и переливамъ. Эти качества автора стали раскрываться еще въ первыхъ его работахъ, посвященныхъ вопросамъ по народной поэзіи, мифологіи. Таковы его разсужденія: «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи». Харьковъ. 1860, «О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій». Москва. 1865, «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ». Москва. 1865.

Эти стороны познаній и дарованій проф. Потебни нашли себѣ блестящее выраженіе въ двухъ его небольшихъ, но важныхъ трудахъ: Малороссійская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Воронежъ. 1873, и Слово о Полку Игоревѣ. Воронежъ. 1878, 150 стр. Уже въ первомъ изъ этихъ трудовъ проф. Потебня касался нѣкоторыхъ мѣстъ Слова. Во второмъ онъ представилъ его тексты «по мѣрѣ разумѣнія» или приготовилъ новое изданіе этого драгоценнаго памятника нашей древней словесности. Болѣе крупныя поправки онъ обозначилъ косымъ шрифтомъ, а въ скобкахъ поставилъ чтеніе изданія 1800 г. Тексты раздѣлены на небольшія главы; за каждою изъ нихъ слѣдуетъ комментарий. Въ обширной литературѣ о нашемъ драгоценномъ памятникѣ, — отъ начала столѣтія до настоящаго года, она составляетъ цѣлую бібліотеку, — нѣтъ сомнѣній, толкованій и объясненій проф. Потебни занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и принадлежать къ наилучшимъ и наизамѣчательнѣйшимъ разъясненіямъ этого перла нашей словесности. Здѣсь ярко выступаетъ даровитость проф. Потебни, его удивительная память, что касается народной поэзіи русской и всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ, и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумѣнія поэтическихъ сокровищъ народного духа. Здѣсь находите не мало очень дѣльных и мѣткихъ замѣчаній на разныя прежнія объясненія Слова, напримѣръ, Буслаева, Тихонравова, В. Миллера, Веселовскаго, Огоновскаго и другихъ болѣе раннихъ толкователей, а также и на переводы Вельмана, Малашева, А. Майкова....

Въ написанномъ для Академіи Наукъ, замѣчательномъ разборѣ сборника Головацкаго (Пѣсни Галицкой и Угорской Руси) проф. Потебня высказалъ нѣсколько важныхъ соображеній о пѣсенномъ напѣвѣ и размѣрѣ, какъ главномъ руководящемъ началѣ для классификаціи народныхъ пѣсенъ, о необходимыхъ приемахъ и наилучшемъ, по его мнѣнію, методѣ изученія народной поэзіи.

Эти важныя мысли полнѣе имъ были развиты и примѣнены въ новомъ обширномъ трудѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Объясненія малорусскихъ и еродныхъ народныхъ пѣсенъ. I ч. Варшава. 1883. 268+VIII+III стр. въ 8-ку и II ч. Обзоръ поэтическихъ мотивовъ, колядокъ и щедровокъ». Варшава. 1887. 801 стр. въ 8-ку.

Въ первой части заслуживаютъ особаго вниманія статьи: «Лелю-полелю, диди-ладо» — гдѣ показано, что ни въ Лелѣ-полелѣ, ни въ

Диди-ладо, нельзя находить ничего мистическаго, замѣчательное разъясненіе образовъ веснянокъ (перба надъ водою и ремезъ). Что касается второй части, то она не ограничивается замѣтками и наблюденіями относительно лишь однѣхъ колядокъ и щедровокъ, а представляетъ много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣняхъ свадебныхъ, весеннихъ и лѣтнихъ, царинныхъ, лазарскихъ, кралицкихъ, купальскихъ, зажиночныхъ и дожиночныхъ, подблюдныхъ, наконецъ, разныхъ великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсень.

Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ въ тысячу слишкомъ страницъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній, и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-лотышскою.

Въ 1890 г. исполнилось 30 лѣтъ учено-литературной дѣятельности А. А. Потебни. Приеуждая ему высшую награду за новѣйшія его изслѣдованія, Императорское Русское Географическое Общество достойно почтило многолѣтніе труды и крупныя заслуги наукъ этого глубоко-свѣдущаго и высоко-даровитаго изслѣдователя, одного изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества.

Харьковъ, вообще Украина наша всегда можетъ указывать съ гордостью на Потебню, какъ на одинъ изъ своихъ драгоцѣнныхъ даровъ нашей общей русской образованности. Миръ его праху и глубокая признательная память потомства за его прекрасные труды, одинъ изъ лучшихъ подвиговъ русской мысли въ области человѣческаго знанія.
